

1936

1 января 1936 г. Лег вчера спать в 7 часов. Встал в три и корплю над ненавистным мне «Принцем и нищим». Перевожу заново вместе с Колей. Коля взял себе вторую половину этой книги, я первую. В этой первой 96 страниц; работа идет очень медленно. Но все же сделано 82. Иная страница отнимает у меня полтора часа и даже больше. А во имя чего я работаю? Сам не знаю. Хочется писать *свое*, голова так и рвется от мыслей, а приходится тратить все дни на черную батрацкую работу. И такой работы очень много. Чуть я кончу «Принца и нищего», придется погрузиться в редактуру Некрасова, в редактуру Шекспира, в редактуру Репина, а когда же писать, черт возьми! Почему из писателя я превратился в поденщика? Вот даю себе зарок на новый год — больше до самой смерти не брать никаких окололитературных работ, а только писать повести, статьи, стихи. Ведь это смешно сказать: сказки мои имеют огромный успех, а у меня уже 5 лет нет ни секунды свободной, чтобы написать новую сказку, и я завидую каждому, кто имеет возможность, хоть и бездарно, писать свое.

5 января. Был Коля. Делает «Принца и нищего», работает в ревизионной комиссии нашего Дома писателей, пишет роман, забежал на минутку, и мы необыкновенно плодотворно поговорили с ним о Мопассане («Комбинатор», его рассказы также «ненастоящие»,

как «Остров сокровищ», — не произведения, а штучки), о Бунине, о Блоке, о Мандельштаме, Безыменском. Чудесно поговорили и так странно, что это разговор отца с сыном.

7 января. Был у меня вчера Тынянов с Вениамином Кавериним. Принес сборник своих рассказов и «Стихотворения» Гейне (изд. 1935). На Гейне подписался: проваленный кандидат в секцию переводчиков, т. к., по его словам, недавняя конференция переводчиков в Москве подвергла его сильнейшим нападкам, — постоянное его ощущение, что где-то против него ведут какую-то кампанию сплотившиеся враги. Я думаю, это у него от болезни. Лицо у него мученическое, изборождено тоской. Дома у него по-прежнему нехорошо. Он показывал в лицах всех докторов, которые лечат Елену Александровну, показал между прочим некоего Твердинского, который заявил ему в ее присутствии, что у нее туберкулез позвоночника. Великолепно показал он проф. Турнера, который лающим голосом отменил весь диагноз Твердинского и сообщил, что никакой опасности нет. Показал проф. Яновского (рентгенолог) и проч. и пр. В. Каверин упрекнул его, что он не дарит ему книг. — «Все свои книжки я дарю докторам. И если бы ты видел, с какими надписями!.. И Твердинскому тоже». Но потом Ю. Н. развеселился и показывал смешные эпизоды из жизни разных знакомых. Как в какой-то кабак в Кисловодске вошел Ал. Толстой, когда там сидела небольшая компания, в том числе Тынянов и Мирский. Тынянов считал Мирского твердокаменным, но [Толстой] вошел так важно и поглядел на всех таким «графским» оком, что тот вскочил: «разрешите представиться». Толстой подал ему два пальца. Теперь Тынянов говорит о Толстом с ненавистью. Утверждает, что не станет с ним здороваться.

Говорили о поэтах. «Нет поэтов. Пастернак опустошен и пишет черт знает какую ерунду, напр. в „Известиях“^{*1}. От Ник. Тихонова — ждать нечего. В. потолстел. Жалуется на переутомление, но вид у него титанический». Между проч., рассказывал, что в доме у Горького он за столом сказал, что Маршак — неважный писатель. Все на него зацыкали, а жена сына Горького Тимоша сказала:

— А какой он чудесный человек, какой добрый, как любит детей.

Рассказывал о Томашевском: как Томашевский дурачки вел себя на конференции. Его спросили, почему он редактирует Пушкина. Он ответил: «За это деньги дают», как Томашевский швырнул в Степанова корректуру Пушкина (которую Степанов принес ему на квартиру) и крикнул: «Пошел вон, негодяй». А Степанов сказал будто бы: «Вы хам, Борис Викторович».

Много говорил Тынянов о Горьком, который очаровал его сразу. «Горький человек безвольный, поддающийся чужому влиянию, но человек прелестный, поэтический, великолепный (и в жизни) художник».

Все, что говорит Тынянов, он говорит с аппетитом. Жизнь, поскольку она выражается в человеческих отношениях, в разных карьерах людей, в бытовых подробностях, ему страшно любопытна как беллетристу. Просидели они у нас до 12^{1/2}. Мы с М. Б. пошли их провожать — и вот я не сплю до утра.

9 января. Третьего дня Желдин мне сказал, что 15/1 в Москве совещание по детской книге. Большое совещание, созываемое по инициативе ЦК, и что я должен поехать. Когда же писать! Только что было совещание с Косаревым, потом киносовещание, потом —

¹ Здесь и далее звездочкой отмечены слова и предложения, комментарии к которым помещены в конце книги. — *Ред.*

по детской книге. Всякая поездка в Москву стоит мне года жизни, и, узнав о предстоящей поездке, я уже перестал спать за 5 дней до нее. Вчера принял вероналу, а сегодня спасибо Бобочке, он меня зачитал. Утром я проснулся с чувством величайшей к нему благодарности.

11 января. Был у меня Квитко. В великолепном костюме, в европейском пальто. Читал замечательные стихи про медведя, обедал у нас. М. Б. больна: грипп. Был Фроман, взял взаймы 50 р. Я хочу, чтобы он переводил Квитку. Квитко зовет в Киев. Он любит советскую власть поэтично и нежно.

17 января. Конференция детских писателей при ЦК ВЛКСМ. Длится уже два дня. Выехали мы 14-го. На вокзале собралась вся детская литература. Маршак в черной новой шапочке, веселый, молодежавый. С ним по перрону ходят Габбе, Пантелеев, Ильин. Вот Лида, вот Т. А. Богданович (ее провожает Шура), вот Тырса. Ждут Ал. Толстого, вот и он с женою. Но он едет не международным, а мягким — в международном не было двух мест в купе, для него и для жены. Иду в вагон: Юрьев и Лили Брик. Юрьев, чуть только поезд тронулся, вошел в мое купе (я еду с Лебедевым В. В.) и стал занимать нас рассказами. Очень ругает новую гостиницу «Москва», которая только что открылась в Охотном ряду. «Номера, — говорит он, — плохи, прислуга грубая... Обошел всю гостиницу, не понравилась она мне. Потом дали мне книгу почетных посетителей, и я написал, что гостиница великолепна и что я в мире не видал таких гостиниц». Оказывается, это очень характерно для Юрьева. В дальнейшем он заговорил о переводах Анны Радловой. «Плохие переводы. Стесняют актера, связывают его по рукам и ногам.

Особенно перевод „Отелло“. Но я все же играю в ее „Отелло“ — иначе нельзя, пресса заругает, замалчивать начнут»!!!

Принципиальный артист!

Лили Брик рассказывает подробно, как она написала Сталину письмо* о трусливом отношении Госиздата к Маяковскому, что Маяковского хотят затереть, замолчать. Написав это письмо, она отложила его на 3 недели. Но чуть она передала письмо, через два дня ей позвонил по телефону т. Ежов (в Ленинград): не может ли она приехать в Москву. — «4-го буду в Москве». — «Нельзя ли раньше?» Я взяла билет и приехала 3-го. Меня тотчас же принял Ежов. — «Почему вы раньше не писали в ЦК?» — «Я писала Стецкому, но не получила ответа». — «Я Маяковского люблю, — сказал Ежов. — Но как гнусно его издают, на какой бумаге». — «На это-то я и жалуюсь».

«Я знала, что Сталин любит Маяковского. Маяковский читал в Большом театре поэму „Ленин“. Сталин хлопал ему, высказывал громко свое восхищение. Это я знала. Но все же было жутко. Я боялась: а вдруг направит дело к Малкину. Но меня направили к Талю, и с ним я говорила больше часу».

В поезде Лебедев, которому сейчас 45 лет, делает гимнастику. Для укрепления мускулов живота и проч. Любовно говорит о боксе. Везет своей Саре финский хлеб, купленный где-то на аукционе в таможне, и молоко «Нестле».

Подошел к нам М. Ильин. Рассказывает анекдоты. Недавно к его знакомому советскому доктору привезли девочку Марию Антуанетту (!!?).

— Почему вы назвали ее Марией Антуанеттой? — спросил он у ее матери.

— А я увидела в календаре строчку: «Казнь Марии Антуанетты» — и решила, что она революционерка была.

По приезде в «Националь» я позвонил Цыпину. Он сразу затараторил: «Уверяю вас, что партия на моей стороне. Ленинград хитрит и мутит. Знаете ли, что Желдин принял меры, чтобы Алексей Толстой не приезжал на совещание, и прислал мне телеграмму: „Толстого в Ленинграде не найти“. Я тогда послал телеграмму Толстому от себя, и Толстой приехал. Комсомольцы хотят, чтобы Толстой выступил. Маршак будет делать небесный доклад без конкретностей. Мы устраиваем совещание в ЦК комсомола, чтобы ясно было, что это партийное совещание. Приглашено 135 человек».

Ну вот мы, 135 человек, собрались: Забіла. Квітко. Барто. Копыленко. Браун. Конашевич. Житков. Разумовская. Оболенская.

Доклад Цыпина. Начало очень хорошее. Перечисление писателей, которые в последнее время не пишут. Ругает Наркомпрос. Десять лет упущено.

Появляется Косарев. Аплодисменты.

Самое удивительное — Венгров. Я бил его смертным боем и в «Литературной газете», и на своем выступлении в ЦК комсомола. И когда потом говорил о нем злые вещи — все же жалел его, и теперь, когда встретил здесь, на конференции, очень смутился и был уверен, что он не подаст мне руки. А он вдруг стал лебезить, юлить, подбежал ко мне, сказал, что «Мурзилка» ждет моего сотрудничества, что она поместила где-то мой портрет, что Квитко действительно замечательный мастер, что я в своем выступлении совершенно верно заметил о том и том-то — и проч., и проч., и проч. Последняя степень душевного ничтожества; полнейшее отсутствие достоинства. Когда Лида говорила о Пантелееве — что у Пантелеева есть выражение: морда, — он крикнул:

— *Жидовская морда.*

Как будто у Пантелеева это выражение — от автора!!!

Подлый гад, раздавленный... больше уж он не будет появляться публично в качестве одного из ведущих детских писателей.

Мне пришла в голову великолепная тема детской книги, в ней должна вылиться моя жаркая любовь к советскому ребенку — и сквозь этого ребенка — к эпохе. Я уже четыре года собираю для этой книги материалы, и только сейчас под впечатлением беседы с Косаревым осмыслил эту тему до конца.

Косарев — обаятелен. Он прелестно картавит, и прическа у него юношеская. Нельзя не верить в искренность и правдивость каждого его слова. Каждый его жест, каждая его улыбка идет у него из души. Ничего фальшивого, казенного, банального он не выносит. Какое счастье, что детская литература наконец-то попала в его руки. И вообще в руки комсомола. Сразу почувствовалось дуновение свежего ветра, словно дверь распахнули. Прежде она была в каком-то зловонном подвале, и ВЛКСМ вытащил ее оттуда на сквозняк. Многие фальшивые репутации лопнут, но для всего творческого, подлинного здесь впервые будет прочный фундамент.

Хочется делать в десять раз больше для детской литературы, чем делали до сих пор. Я взял на себя задание — дать Детиздату 14 книг, и я их дам, хоть издохну.

О совещании не записываю, так как и без записи помню каждое слово. То, за что я бился в течение всех этих лет, теперь осуществилось. У советских детей *будут превосходные книги*. И будут скоро.

Лежал больной: фурункул. Маршак оказался верен себе: все эти годы молчал о Квітке, ни звука. Когда я написал о Квітке в «Красной нови» — и прочитал его стихи на совещании у Косарева, — Маршак попросил

ему дать на один день книжки Квітки, чтобы ознакомиться с ними. Я дал ему, и он в тот же вечер уехал в Крым к Горькому с *моими книжками*. Он их переводит, он сделает шум вокруг Квитки — он... словом, повторяется та же история, что с «Nursery Rhymes» и с «Детками в клетке». «Nursery Rhymes» я пропагандирую с 1916 года. В 1917 я дал их Владиславу Ходасевичу — напечатать в журнале «Для детей», коего я был редактором. И Венгрову давал подстрочник — пропал гвоздь — и печатал оный в книге «Елка», издательства «Парус». Когда встретил Маршака, дал ему в 1923 году «Nursery Rhymes» — и с тех пор не получил своей книжки обратно. То же и с «Детками», вернее, с рисунками Олдина, которые принадлежали Памбэ. Взял редактировать эту книгу — и Памбэ не получила ее обратно...

27/1. Сегодня должна была вторично собраться редакция по изданию *академического Некрасова*. Первые мы собрались третьего дня: Лебедев-Полянский, Мещеряков, Кирпотин, Лепешинский, Эссен и я — на квартире у Эссен. Специально выписали из Ленинграда Евгеньева-Максимова. Да, был еще и Заславский. У всех этих людей в голове есть одна идейка: не изображать Некрасова — боже сохрани — народником, потому что народники, по разъяснениям авторитетных инстанций, — не такие близкие нашей эпохе люди, как думалось прежде. То обстоятельство, что Некрасов был поэт, не интересует их нисколько, да и нет у них времени заниматься стихами. Я выступил, сказал, что я белая ворона среди них — т. к. для меня Некрасов *раньше всего поэт*, который велик именно тем, что он — мастер, художник и проч. А если бы Некрасов высказывал те же убеждения в прозе, я никогда не стал бы изучать его и любить его. Настаивал на включении во все наши будущие предисловия и критические ста-

тьи — указаний на это — незамеченное ими — обстоятельство. Отнеслись не враждебно, хотя некоторая холодность в отношении ко мне была. Выделили комиссию: меня, Евгеньева-Максимова и Эссен для обсуждения количества томов, их состава и проч. Комиссия эта была вчера у меня — мы работали долго и упорно. А сегодня оказывается, что: 1. Кирпотин уехал неизвестно куда. 2. Лебедев-Полянский занят. 3. Мещеряков занят. 4. Лепешинский уехал — и заседание коллегии откладывается. Почему? Не из-за истории ли с Косаревым? История такая: Косарев спрашивал меня, почему я не пишу новых книг. Я ответил, что я очень занят: редактурой Некрасова, редактурой Шекспира и проч. Хочется писать, а я все редактирую. — А какого Некрасова? — Под редакцией Лебедева-Полянского, академического. — Ну, мы вас от всей этой черной работы освободим. — И вдруг, к моему изумлению, в речи своей о детской литературе — заявил, что меня нужно освободить от... Лебедева-Полянского. Меня словно кипятком обдало...

Тут в Москве Тынянов, звонил ко мне два раза (один раз так: давайте пойдем в театр на «Далекое»*) — и вечером пришел. Много говорил о своих семейных горестях. «Только вам говорю: мне так жалко Леночку, что я другой раз готов заплакать. Бедная! Все ее надежды на выздоровление рухнули. У нее уже заболела верхняя часть позвоночника».

Через 2 недели Тынянов едет на 2 месяца в Париж.

Все устроено. Остановка за валютой. Ехать он не хочет («Страшно Леночку оставить»), но ехать нужно, так как болезнь его растет. Несмотря на болезнь, он написал в Петергофе за 10 дней целый печатный лист о Пушкине, «и здесь, в Москве, помаленьку пишу». «У меня странная литературная судьба: своего Кюхлю я написал без материалов — на ура, по догадке, — а все думали, что тут каждая строка документальна.

А потом, когда появился роман, я получил документы». И он перешел на свою любимую тему: на Алексея Толстого.

— Алексей Толстой — великий писатель. Потому что только великие писатели имеют право так плохо писать, как пишет он. Его «Петр I» — это Зотов, это Константин Маковский. Но так как у нас вообще не читают Мордовцева, Всева, Соловьева, Салиаса, то вот успех Ал. Толстого. Толстой пробовал несколько желтых жанров. Он пробовал желтую фантастику («Гиперболоид инженера Гарина») — провалился. Он попробовал желтый авантюрный роман («Ибикус») — провалился. Он попробовал желтый исторический роман — и тут преуспел — гений!

Сидел он у меня долго — и я из-за этого не сплю всю ночь. Приходили при нем Натан Альтман и Квитко.

Лидина речь сегодня отлично напечатана в «Комсомолке». А моя — в «Литературке»*. Сердце родительское радуется.

Очень нездоров. Измучила меня эта зима. Ужасно, что М. Б. по болезни не могла поехать со мною. Жизнь моя здесь хуже ада. Больше 3 часов в сутки я не сплю. Скорее бы выбраться.

Тынянов очень хорошо отзывался о Коле. Хвалил его переводы, восхищался его работоспособностью.

Тынянов о Маршаке: «Он ничего не читает. Его интересует только один писатель: Ильин, да и тот Маршак».

Третьего дня мне звонил из Ленинграда Алянский. Приезжает сегодня с Конашевичем. Алянского я приспособил к Цыпину: Алянский будет жить в Ленинграде, но работать для московского Детиздата. Все мои книги, которые выходят в Москве, будет оформлять в Ленинграде Алянский.

Лебедев-Полянский, Кирпотин, Мещеряков и Заславский все время сообщали Евгеньеву-Максимову и мне, что они никак не могут собраться, никакого

времени не имеют, и потому Евг.-Максимову пришлось вернуться в Ленинград ни с чем. Оказалось, что они покуда держали тайный совет, как им быть. И надумали: не давать мне редактировать стихи Некрасова, и Максимову не давать редактировать письма, а сделать так: стихи выходят под редакцией Мещерякова и моей, письма под редакцией Лебедева и Евг.-Максимова. Я застиг их четырех в Гослитиздате: они прямо (и очень учтиво) предъявили мне свои требования. Сущность этих требований сводится вот к чему: я буду редактировать Некрасова, а Мещеряков будет редактировать меня. Но в таком случае так дело и нужно изобразить, а не выдумывать, будто мы оба редактируем Некрасова. Я так и сказал им и теперь не знаю, как быть. К сожалению, по болезни мне пришлось спешно уехать в Ленинград — и я не мог посоветоваться в ЦК.

2 февраля. Вчера вечером позвонили от Главного начальника политической милиции: когда он мог бы меня посетить. Говорили каким-то угрожающим тоном. Я страшно взволновался. Уж не натворила ли чего-нибудь Лида? Не поссорилась ли она с Детиздатом? Черт знает какие мысли лезли мне в голову. Всю ночь, чтобы успокоиться, держал корректуру книги «От двух до пяти» (6-е издание). Прокорректировал 14 листов. Весь день ни на секунду не заснул, и лишь к 6 часам обнаружилось, что начальник хочет, чтобы я... написал... детскую книжку о милиции. Утешившись, я заснул в 7 час. вечера и сегодня — 3/II проснулся в половине четвертого. До 9 часов корпел над «Принцем и нищим». Зато выкарабкиваюсь из-под этой работы. 80 страниц уже отделано окончательно.

9/II. Ужасную вещь сделал со мною Коля, сам того не подозревая. Мы решили вдвоем перевести «Принца и нищего»: я первую половину, он вторую. Работа эта

нудная, путавшая все мои планы. Она отняла у меня два месяца, самое горячее время. И главное: перевод выходит не первоклассный, не абсолютный. Хочется писать свое; хочется думать свои мысли, а тут приходится часами просиживать над одной какой-нибудь фразой. Когда я сделал свои 101 страницу, я чуть не подпрыгнул до потолка: теперь могу вздохнуть свободнее. Но в это время Коля принес свою половину!!! С первого взгляда мне показалось, что перевод превосходный. Иные страницы действительно очень неплохи, но боже мой — когда я вчитался, оказалось, что половину Колиного перевода нужно делать заново. Никакого другого выхода нет. Надо сделать, мы и так запоздали. И вот я сижу несколько суток, почти без сна, и делаю эту постылую работу. Сейчас кончил ее вчерне, в девять часов утра. Последние 10 страниц особенно трудны. Похоже, что переводчик даже не глядел в подлинник! Я Колю не обвиняю. Он пишет роман, для него «Принц и нищий» — обуза, но зачем же сваливать эту обузу на мои плечи? Как будто у меня нет романа, который я хотел бы написать.

12/II. Был у меня сейчас Игорь Грабарь. Он председатель жюри индустриальной выставки. Занят сверхъестественно. Готовит репинскую выставку, устраивает в Ленинграде свою собственную, готовится к 26-му, когда будет праздноваться его юбилей — «банкет будет устроен, будут участвовать высокие персоны, готовятся подарки какие-то... ну орден, ну автомобиль... Это уже дело решенное, машину мне дадут!!..».

Откровенно подсчитывает барыши своего юбилея. Он к этому юбилею организационно готовится три года, завоевывал вершок за вершком те позиции, которые занимает сейчас, недаром в Москве называют его Угорь Грабарь. Среди молодежи его имя так же одиозно, как имя Бродского.

— А вы видели, Игорь Эммануилович, что написано о вас в «Правде» — во вчерашнем номере?

— Нет... а что? (Невинным голосом.)

— Не видели?

— Нет. Ни минуты не было свободной.

— И вам никто не показал?

— Нет.

Прошло с полчаса, и он говорит:

— А вы видели, как в «Правде» здорово попало Бухарину? И какой смешной фельетон Кольцова!

Подробно излагает и то и другое. Между тем: и фельетон о Бухарине, и фельетон Кольцова — в том же номере, где статья о выставке Игоря Грабаря.

Боба это заметил и, когда Грабарь ушел, выразил недоумение: — Как же это так, и зачем же он врёт?

14/II. Сейчас позвонил мне Маршак. Оказывается, он недаром похитил у меня в Москве две книжки Квитко — на полчаса. Он увез эти книжки в Крым и там перевел их — в том числе «тов. Ворошилова», хотя я просил его этого не делать, т. к. Фроман уже месяц сидит над этой работой — и для Фромана перевести это стихотворение — жизнь и смерть, а для Маршака — лишь лавр из тысячи. У меня от волнения до сих пор дрожат руки.

И я вспомнил, как Маршак таким же образом ограбил Памбэ («Детки в клетке»), ограбил Хармса («Жили в квартире сорок четыре...»).

17/II. Вчера позвонил Алянский и сообщил, что в «Комсомольской правде» выругали мой стишок «Робин Бобин Барабек». Это так глубоко огорчило меня, что я не заснул всю ночь. Как нарочно, вечером стали звонить доброжелатели (Южин и др.), выражая мне свое соболезнование.

— Прекрасные стихи, мы читаем и восхищаемся, — говорят в телефон, но мне это доставляет не утешение, а бессонницу.

Вчера первый раз выходил на улицу (мороз!!) — был в школе первой ступени, преобразованной из церкви (Кирочная, против Знаменской). Читать было очень трудно, так как все звуки уходили под купол и в коридоры, ведущие в зал, но дети изумительно милые, любящие, затормошили меня своей лаской. Я читал им так много, что сорвал голос. (Горло вообще болит.)

Написал фельетон о Квитко — неважный и поверхностный*.

Сегодня, кажется, начинают *печатать* мою книгу «От двух до пяти». Лида больна гриппом. Коля тоже.

Сегодня М. Б. купила картину Коровина.

18/II. Был на блинах у полярника Самойловича. Видел его племянника Женю (3¹/₂ лет), который указывает на карте и Копенгаген, и Ленинград, и Новую Землю, и Северный полюс, и Камчатку, и Сахалин.

Жена Самойловича жалуется, что Отто Юльевич Шмидт всячески душит Рудольфа Лазаревича. Уже два года не пускает его за границу.

21/II. Вчера нагрянул на меня Цыпин. Очень сладко и любовно предложил мне выбросить из программы несколько моих книжек. «Нельзя. Нельзя. По настоянию Ц. К.». Он ожидал отпора с моей стороны. Но я сказал: сделайте одолжение. Оказалось, что выбрасывать нечего, но я с радостью пожертвовал книжкой «Котауси и Мауси» и «Путаницей».

— Мы это делаем, — пояснил мне Цыпин, — для того, чтобы иметь возможность сократить Маршака. В Ц. К. не понравилось, что он захватил всю бумагу. Кроме того, по этому поводу группа писателей подала

докладную записку. И вот мне дано поручение снять с плана 50 процентов книг Маршака.

Тут пришла Сафонова и принесла рисунки к Айболиту. Рисунки удались ей очень: в них много *литературной* выдумки, они не торчат в стороне от книги, а прочно спаяны с ней, придают книге много женского уюта и тепла. Но Цыпину главным образом понравился модный теперь реализм. «Вот что нам надо!» — закричал он (т. к. ЦК требует у него теперь реализма). От радости он сразу удвоил гонорар Сафоновой, дал вместо 50 рублей за каждый рисунок — 100 рублей, а рисунков там будет около сотни.

Потом пришел Алянский. Цыпин рассказал, что решено ликвидировать ленинградскую редакцию, и очень скоро: сюда назначается некий Светлев, редактор газеты в Иваново-Вознесенске, который прибудет сюда через несколько дней, он должен с течением времени устранить Маршака от редакционной работы.

22/II. Видел вчера Маршака. Горький поручил ему создать новый журнал — для юношества, детей и родителей. Маршак мало способен к такой работе, так как он лишен каких бы то ни было идей и чего бы то ни было творческого. Но он взялся за нее ретиво, по своему старинному способу: собирает заседания, собрания, говорит с каждым на всех перекрестках и ловит чужие идеи. Шум вокруг этого страшный, и через месяц на съезде комсомола он будет говорить: «Я и Горький», «Мы с Горьким».

С Цыпиным и Алянским был вчера в Петергофе у Конашевича. Его этюды (виды из окна) изумительны — особенно те, что на японской бумаге. И портреты. Но чудак Конашевич все это добро держит под спудом — черт знает где — в комод — и не выставляет.

Вчера меня вызвали в Гослитиздат. Оказывается, печатание моей книги отложено до марта!!! Выйдет

она только в апреле!! Повторяется история с «Искусством перевода».

Сижу над Репиным.

25/II. Великолепную вещь предложила мне редакция Детиздата. Собрать любовные песни, романсового типа — для подростков, чтобы отбить у них охоту от цыганской пошлятины. Я с радостью выбираю у Фета, у Полонского, у Анны Ахматовой, у Бориса Корнилова. У каждого лирика. Ничего нет у Мея, хотя я перелистал его из строки в строку.

22/III. Я в Петергофе. Работаю над Репиным — над своей статьей о нем, которая кажется мне и фальшивой, и плоской. Нужно как-то расцветить, усложнить, обогатить. 20-го выступал в Союзе Художников. Совершенный позор: собралось человек до двухсот — невежественных до последней степени и плохо рисующих. Считалось, что я буду [оторвано несколько строк. — Е. Ч.]... что зря я прервал свой отдых в Петергофе, зря так долго готовился к этой лекции (я даже гулять не ходил, обед подавали мне в комнату, и я даже во время обеда писал), что то слово «художник», которое до сих пор было полно для меня чарующего смысла, — теперь наполнено иным содержанием. Даже Бродский по своей духовной организации выше, сложнее, культурнее их. Даже Сварог перед ними — Рембрандт. И в этом нынешнем походе на Лебедева, на Тырсу и проч. все дело вовсе не в линии ЦК, а в том, что вся основная масса середняков-художников, в сущности, бездарные мазилки —

Без божества, без вдохновенья.

10/IV. Третьего дня получил приглашение, подписанное Бубновым, явиться в Кремль для обсуждения предстоящих пушкинских торжеств. Это ударило меня

Чуковский К.

Ч 88 «Нужно быть благодарным судьбе». Дневники 1936–1969 годов. Книга третья / Корней Чуковский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 928 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-22572-5

К. И. Чуковский оставил обширное творческое наследие, включающее публицистику, переводы, литературную критику, работы по филологии, мемуаристику. Большой интерес представляют и дневники, которые он вел всю жизнь. В настоящем издании публикуются дневники 1936–1969 годов. Три с небольшим десятилетия охватывают различные периоды в истории страны и в личной судьбе писателя. Война, гибель младшего сына, тяготы послевоенной жизни, смерть горячо любимой жены, преследования поэтов и писателей в сталинскую и послесталинскую эпоху, творчество в условиях жесткой политической цензуры — и мировое признание... По дневникам Чуковского прослеживаются ключевые события в жизни многих его выдающихся современников — Ахматовой, Зощенко, Пастернака, Солженицына, Бродского и др.

УДК 82

ББК 84(2Рос-Рус)6

Литературно-художественное издание

КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ
«НУЖНО БЫТЬ БЛАГОДАРНЫМ СУДЬБЕ»
Дневники 1936–1969 годов
Книга третья

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.02.2023.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 40,89. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого
сотрудничества размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-NFA-31549-01-R